

В ЛОВУШКЕ ЛУНЫ

Аркадий Борисов

Аркадий Борисов
В ловушке Луны

«Автор»

2026

Борисов А.

В ловушке Луны / А. Борисов — «Автор», 2026

«Артеми́с IV» разбился на дне лунного кратера Шеклтон. Двое астронавтов заперты в обесточенном посадочном модуле. Связь с Землей есть, но она не прибавит им кислорода. Температура неумолимо падает, а фильтры углекислого газа забиты. У командира Сары Марш и бортинженера Хэнка Уэбба есть лишь пара недель, прежде чем они задохнутся. Хьюстон идет на беспрецедентный риск. Нарушая базовые протоколы безопасности, NASA экстренно отправляет спасательный корабль, не прошедший полный цикл тестов. Пилоту предстоит совершить невозможное — посадить гигантскую стотонную ракету вслепую на изрытый валунами реголит рядом с местом крушения. Никакого резервного плана. Никакого права на ошибку. Законы орбитальной механики против них. Смогут ли двое истощенных людей пройти последние полтора километра по смертоносному лунному бездорожью, когда ресурса скафандров осталось всего на несколько часов? Жесткий, предельно достоверный техно-триллер о выживании на границе законов физики и человеческих возможностей.

© Борисов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

День X	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Аркадий Борисов

В ловушке Луны

День X

— Сара. Мы, кажется, не улетим.

Сара Марш открыла глаза, но не пошевелилась — вслушивалась в монотонный гул систем жизнеобеспечения. За тонкой стальной обшивкой модуля стояла пустота южного полюса Луны. Тени от кратеров лежали на сером реголите, как разлитая тушь, а минус сто семьдесят по Цельсию ждал крошечной трещины, чтобы вылизать всё тепло из их кабины. Космос давил на стены невидимым, ледяным прессом.

Уэбб стоял у её лежака. В тусклой, синеватой ночной подсветке пульта его лицо казалось изможденным и заострившимся. Уэбб был инженером-педантом, человеком, который всю жизнь сверял свой пульс по бортовым часам и ненавидел отступать от инструкций. Если он нарушил строгий график сна экипажа — значит, Вселенная дала трещину.

— Точно? — спросила она через секунду, надеясь, что это очередная паранойя Уэбба из-за скачка напряжения в сети.

— Я бы тебя не разбудил, — голос его прозвучал сухо, без виноватых интонаций, с которыми он указывал ей на мелкие ошибки в логах.

Марш расстегнула карабин ремня. Искусственный кокон безопасности исчез, и тело пошло вниз так медленно, как падают предметы под водой — местная гравитация словно издевалась, растягивая каждое движение, давая время прочувствовать собственную уязвимость перед законами физики.

Она встала рядом с ним у пульта, чувствуя спиной холод, идущий от иллюминатора, за которым равнодушно горели звёзды.

— Скажи мне всё, — потребовала Сара, загоняя свой страх внутрь и переключаясь в сухой, безэмоциональный режим командира.

Уэбб говорил тихо, почти шепотом, будто боялся, что вакуум за бортом может их подслушать.

— Давление в обоих баках идёт вниз с ночи. Только что ушло в жёлтый.

Он ткнул пальцем в экран. Его рука, способная провести ювелирную пайку микросхемы вслепую, едва заметно дрожала.

— Я перевёл на резерв — не держит.

Сара всмотрелась в ползущие вниз графики. Математика была проста и безжалостна, как этот серый мир снаружи. Уэбб всегда ненавидел приносить плохие вести, предпочитая обкладывать их сложными техническими терминами, но сейчас он ударил наотмашь, выдавая голые факты:

— Через сорок два часа двигатели на старте не запустятся. Воды и воздуха у нас в кабине на четырнадцать суток с посадки. Прошло четыре — десять осталось.

Десять дней. Сара скосила глаза на иллюминатор. Там, в звёздной черноте, висела Земля — тёплая, полная воды, воздуха и восьми миллиардов людей, которым не было дела до двух запёртых в консервной банке астронавтов.

— Спасатели с Земли — сорок суток подготовки, — Уэбб озвучил приговор, и его голос наконец дрогнул, словно он зачитывал некролог самому себе. — Тридцать дней без воздуха.

Марш отпустила опору. Ноги внезапно ослабли, не выдержав тяжести этой арифметики, и тело её медленно осело вниз, подчиняясь слабому, но неотвратимому притяжению Луны.

Уэбб смотрел в пол, не в силах встретиться с ней взглядом. Его давний нервный тик, который он так тщательно и успешно скрывал от земных медкомиссий, вырвался наружу: он поднял руку и сжал поручень. Сжал, отпустил, сжал снова, ритмично и отчаянно выдавливая из себя подступающую панику через холодный металл.

— Хьюстон видит? — спросила Сара, глядя на его пальцы.

— Вместе со мной.

Она перевела взгляд с инженера на звёзды за стеклом, принимая правила игры, которые им навязал космос.

— Хьюстон, Марш. Докладываю...

* * *

В четыре утра Райт в третий раз пошёл за корицей. Автомат с «Биг Ред» стоял внизу, в холле тридцатого здания: восемь кнопок, из которых две не работали с весны, четвертак за упаковку, иногда два — в зависимости от настроения. Сегодня Райт уже скормил ему двенадцать четвертаков. Корица не помогала.

На его секторе экранов графики давления в обоих баках «Артеemis IV» валились вниз с той же безразличной плавностью, с какой ползут котировки во время серьёзного биржевого падения. Райт давно учил такие графики на симуляциях, и там они выглядели весело — синие, зелёные, красные, и каждая жирная галочка чёрным маркером означала, что Райт молодец и заметил неполадку. Сейчас они учебными не были — за каждой кривой сидели Сара Марш и Хэнк Уэбб в полутора секундах радиосвязи от Земли.

Райт переключился с экрана на регламент. На странице номер шесть, в нижнем правом углу, стояла его собственная отметка от лета двадцать пятого: жирная чёрная галочка, поставленная во время одной из тренировок, когда они с напарником пробивали именно этот сценарий. Сценарий назывался «жёлтый по двум контурам». Регламент в таких случаях давал дежурному ровно три минуты. По истечении этих трёх минут полагалось поднять с постели главного инженера двигательных систем. Если оператор не успевал, экипаж на Луне начинал задыхаться, а оператор — искать новую работу. Райт сглотнул всухую, посчитал в уме, понял, что оставалось ещё около сорока секунд, и набрал номер.

— Алехандро, это Райт, дежурный, — сказал он в трубку, пытаясь сделать голос увереннее, чем чувствовал. — Жёлтый по обоим контурам. Я отправил аварийное оповещение.

На том конце что-то упало с глухим деревянным стуком — Лопез, видимо, сшиб с тумбочки книгу. После этого в трубке три секунды было тихо, а потом голос Лопеза, ещё охрипший со сна, произнёс на испанском нечто короткое и непечатное.

— Сейчас буду.

Ровно через двенадцать минут Алехандро Лопез ворвался в зал управления, и Райт, не отрывая взгляда от графиков, услышал, как Лопез по дороге к креслу сшиб локтем что-то у соседнего стола. Когда старший инженер сел рядом, Райт боковым зрением заметил у него только один зашнурованный кроссовок. Со вторым Лопез, по всей видимости, разбираться передумал.

Алехандро прошёлся пальцами по клавиатуре с такой скоростью, какой Райт никогда у живого человека не видел. На центральный проектор вышла сырая телеметрия, со всеми скачками и помехами. Лопез смотрел на цифры не моргая. Губы его при этом беззвучно шевелились, и Райт понял: Лопез матерится — не на ситуацию вообще, а на каждую конкретную прыгающую точку графика, как ругают двоечника по фамилии, а не за двойку.

— Уильямса позвал?

— Когда вы проезжали шлагбаум, — отозвался Райт.

Лопез коротко кивнул, и больше Райту в эти десять минут не сказал ни слова. В зале не спал никто. Баллистик в дальнем углу диктовал в гарнитуру координаты. Связистка молча перематывала запись последнего сеанса с экипажем. Двое сотрудников жизнеобеспечения

склонились над одним монитором и шептались так, словно боялись разбудить ребёнка. Кондиционер гнал ледяной воздух с такой настойчивостью, словно собирался стереть человеческий запах из помещения.

В четыре тридцать пять в зал вошёл Майкл Уильямс. Шестнадцатый год руководя полётами, он научился полезной вещи: в по-настоящему плохую ночь не стоит торопиться. Если ты идёшь по коридору быстро, все думают, что ты испугался. Если медленно — все думают, что ты владеешь ситуацией. Уильямс владел ситуацией только частично, но шёл медленно.

По дороге он завернул к автомату в коридоре и взял три больших стакана. Кофе из этого автомата к утру всегда был неважный, но другого в Билдинге-30 в четыре утра не водилось.

В зале Уильямс поставил один стакан перед собой, два — перед Лопезом. Десять лет совместной работы научили его простой вещи: Лопез про кофе у себя на столе забывал. Первый стакан надо поставить рядом, для виду. Через двадцать минут Лопез о нём вспомнит, машинально потянется и обнаружит, что забыл. Тогда схватит второй и выпьет залпом. Какой именно из двух — Лопез сам разобрать не способен.

— Ну? — Уильямс встал у Лопеза за плечом.

Тот не повернулся. Только наклонил голову на полсантиметра в сторону третьего монитора и щёлкнул дважды по клавише пробела.

— Прорыв клапана в обоих баках. Композитный шов лопнул по линии термического сжатия. Давление падает по экспоненте. Через сорок два часа они на старте тяги не получат.

— Скрубберы?

— Скрубберы держатся, расход штатный. Кислорода в модуле на десять суток.

Уильямс молча смотрел на Лопеза с полминуты. Потом достал из внутреннего кармана пиджака защищённый телефон, отошёл к окну — звонить директору Центра при подчинённых он не любил — и набрал номер.

Билл Маллиган снял трубку на втором гудке. В этот час Маллиган уже встал. Тридцать лет подряд директор поднимался в пять, и менять режим под чужие катастрофы он не собирался.

— Билл, поднимайся, — сказал Уильямс. — Прорыв баков на посадочном модуле. Движки сдохнут через сорок два часа. Воздуха у экипажа на десять суток. Спасатель готовится сорок. Сам считай.

Маллиган не задал ни одного встречного вопроса. Уильямс услышал в трубке только короткое «уже еду» и щелчок отбоя. Маллиган был из тех людей, которые после пяти утра переходили на короткие реплики и оставались в этом режиме до самой ночи.

Уильямс набрал следующий номер. В Вашингтоне утро ещё толком не наступало — было половина шестого по восточному. Дайана Аткинс ответила почти сразу. В трубке слышался шум воды: администратор NASA, судя по всему, была на кухне и наливала себе первую чашку.

— Дайана. У нас ЧП на южном полюсе. Записывай.

Звук воды на том конце оборвался.

— Сорок два часа до полной потери старта. Десять суток запаса кислорода. Спасательный «Артеми́с V» требует сорок суток подготовки. Голый зазор — тридцать дней пустоты. Они не досидят. Я не вижу варианта.

Аткинс молчала три секунды. В этой паузе Уильямс представил себе её кухню в Джорджтауне — он бывал там однажды на закрытом ужине после операции «Артеми́с I», — и эта кухня была безупречно чистая, как любое помещение, в котором живут одиноко и ночуют редко.

— Жду команду на экстренный созыв Совета, — сказал Уильямс.

— Получишь в течение часа. Майкл, до пресс-конференции — никаких утечек. Если у тебя в зале кто-то любит светиться в твиттере, заberi у него телефон. Не заберёшь — приеду и сделаю сама.

— У меня в зале таких нет.

— Есть. Они всегда есть. Просто ты их не знаешь.

Аткинс отключилась. Уильямс убрал телефон обратно во внутренний карман. На центральном экране зелёные линии — Марш и Уэбб — продолжали свой медленный путь вниз. Лопез наконец потянулся к стоявшим перед ним стаканам, не глядя взял дальний, сделал большой глоток и поставил обратно. Стакан он не вернул на место, а отодвинул на два сантиметра. Уильямс отметил это движение машинально, понимая, что через двадцать минут Лопез снова потянется и схватит первый, выпьет его, не разбирая, что пьёт уже остывшее.

В дальнем углу зала женщина с гарнитурой сказала кому-то в эфир: «У них в кабине пока двадцать один градус. Это пока». Голос у неё был спокойный — таким голосом воспитатели в детском саду сообщают родителям, что у ребёнка температура.

* * *

На нашей гало-орбите нет привычных рассветов и закатов. Траектория «Ориона» — не аккуратный круг из старых фильмов, а гигантская вытянутая гравитационная петля. Почти шесть суток мы лениво, как сонная муха, висим в апоцентре — в семидесяти тысячах километров над Южным полюсом Луны, глядя на него сверху вниз. А потом гравитация срывает нас с цепи, и мы камнем летим к Северному полюсу, проносясь над ним на сумасшедшей скорости.

Мы висели в верхней точке. Из иллюминатора Луна не казалась шаром — она выглядела гигантской, изрытой оспой каменной стеной, занимающей полнеба. Резкая линия терминатора делила её пополам: слева — ослепительно белый реголит, справа — провал чернильной тьмы. И где-то там, на дне невидимого отсюда кратера Шеклтон, сидели Марш и Уэбб.

Я парил в аппаратном отсеке с планшетом в руках. У меня свой пункт — я не выношу разнобоя в гудении. В невесомости нет конвекции воздуха, и ты постоянно окружён ровным фоном из десятков вентиляторов, насосов и скрубберов. Если частоты не синхронизированы, у меня начинает дёргаться левый глаз. Поэтому каждое утро я тратил двадцать минут на то, чтобы вручную выровнять обороты кулеров правого и левого борта в точный унисон. Накагава всё первое утро на орбите посматривал на меня с подозрением, потом понял, что это не невроз, а ритуал, и больше не лез.

Я как раз добился ровного гудения кулеров, когда в наушниках щёлкнул статический разряд. Сигнал с Земли.

Хироси Накагава висел у пульта стыковочного узла. У него тоже был пункт — он не доверял микропыли. Был уверен, что отшелушившаяся в невесомости человеческая кожа однажды замкнёт самую важную плату на корабле. Поэтому Хироси полировал сенсорные панели влажными спиртовыми салфетками с методичностью, при виде которой я вспоминал свою бабушку, протиравшую сервиз перед воскресным обедом — точно с той же концентрацией. Только бабушка делала это к гостям, а Хироси — на случай, если плата надумает замкнуться.

— «Орион», это Уильямс.

Голос руководителя полётов пробился сквозь шипение фонового излучения. Я по этому голосу сразу понял две вещи. Первая — Уильямс не один, у него за плечом кто-то стоит и слушает. Вторая — он зачитывает с листа. Майкл никогда не зачитывал с листа, если новость не была такой, при которой ошибка в формулировке стоит карьеры.

— На связи, Майкл. — Я свернул окно настройки кулеров. — У нас по циклограмме тест замков международного стыковочного узла. Готовимся принимать гостей через четыре дня.

— Антуан. Тест отставить. Внесите изменения в полётное задание. «Орион» возвращается домой в двухместной конфигурации. Повторяю: вы уходите одни.

Хироси замер. Рука со спиртовой салфеткой остановилась в полусантиметре от экрана. В капсуле стало так тихо, что я услышал, как тикают клапаны в системе подачи питьевой воды.

За бортом в полной пустоте беззвучно вращались наши двадцатиметровые солнечные панели, ловя жёсткое солнце.

— Хьюстон, это Дюпон. Я не понял приказа, — сказал я, и сам услышал, что французский акцент у меня сейчас сильнее обычного — он всегда возвращается, когда мне нужно протянуть время. — У нас окно для рандеву в апоцентре через девяносто часов. Что с посадочным?

— У них прорыв баков. — Голос Уильямса не дрогнул, но и не смягчился. — Давление падает. Через сорок два часа топливная система посадочного модуля замёрзнет. Двигатели не запустятся. Они не смогут оторваться от грунта и подняться к вам на орбиту. Конец связи.

Щелчок.

Хироси медленно обернулся ко мне. Его лицо, обычно неподвижное, сейчас казалось чужим — словно с него стёрли привычное японское самообладание и забыли вернуть. Он отпустил салфетку. В невесомости она не упала, а повисла между нами, медленно вращаясь в потоках от вентиляторов.

— Антуан. Нужно пересчитать вектор тяги. Тормозной импульс. Если опустим перигейцентр...

— Хироси.

— Мы можем сбросить им припасы. Контейнер с поглотителями CO_2 , кислородные пашки...

— Хироси.

Он замолчал. Я подплыл к нему, перехватил леер у его плеча — не для того, чтобы остановить, а чтобы оказаться напротив, на одной высоте. В невесомости разговоры на разной высоте ничего не стоят, я это понял в первую неделю.

— Подумай, что ты только что сказал. Ну сбросим контейнер с орбиты — куда он попадёт? Мы сейчас в семидесяти тысячах километров над их головами. Если я начну гасить орбиту до подходящей высоты, у меня уйдёт топливо. Сколько уйдёт — посчитай. Только медленно, не в шоке.

Хироси смотрел на меня секунды три. За эти три секунды его лицо вернулось — то самое, привычное, японское, на котором ничего не написано, но за которым видно работу. Он подплыл к навигационному планшету, открыл сводку дельта-V.

— Запас до отрыва от лунной гравитации и разгона на Землю — почти впритык, — сказал Хироси ровно, как читал бы прогноз погоды. — Если опустим перигейцентр в зону сброса груза — потратим больше, чем у нас есть. Останемся здесь сами.

— Вот.

Хироси закрыл планшет. Прицепил его к липучке на переборке. Потом подобрал в воздухе свою спиртовую салфетку — она успела отлететь к вентиляции — и снова принялся протирать панель пульта стыковочного узла, к которому больше никто никогда не пристыкуется.

Я смотрел на него и думал, что у каждого свой способ переживать невозможное. У Хироси — салфетка. У меня — кулеры. У Марш с Уэббом, подозреваю, тоже что-нибудь есть, чего мы отсюда не увидим. Я вернулся к своему планшету и проверил частоту на левом борту. Она сбилась за время разговора с Уильямсом — то ли от вибрации, то ли мне показалось. Я подкрутил.

В иллюминаторе Луна продолжала медленно проворачиваться под нами. Где-то на дне кратера Шеклтон сейчас сидели двое и слушали, как у них падает давление в баках. Между нами и ними не было ничего, кроме семидесяти тысяч километров вакуума и арифметики дельта-V, и арифметика говорила, что мы их домой не привезём.

Хироси протирал панель. Я слушал, как у нас выравнилось гудение, и думал, что Уильямсу сейчас, наверное, тоже хочется протереть какую-нибудь панель — но в Хьюстоне нет невесомости, и поэтому панели там не плавают, а лежат на столах, и поэтому Майкл их не протрёт.

* * *

Космический корабль на поверхности Луны — это не тихая стерильная лаборатория из научно-популярных фильмов. Это стонущая металлическая бочка. Солнце нещадно палило по правому борту нашего посадочного модуля, разогревая стальную обшивку до плюс ста двадцати градусов, а левая сторона оставалась обращённой в вечную, непроглядную тьму кратера Шеклтон при минус ста семидесяти. Металл от такого перепада расширялся и сжимался. Корпус издавал тяжёлые, глухие щелчки, похожие на выстрелы из малокалиберной винтовки в замкнутом пространстве. К этому звуку нельзя привыкнуть — каждый раз подсознание орёт тебе, что обшивка лопнула.

Через час после того, как Хьюстон прислал лаконичное «приняли, работаем», Уэбб занялся делом, которое доводило штатных психологов NASA до тика. Он достал свой личный бортовой журнал.

Хэнк не доверял твердотельным накопителям. Космическая радиация, говорил он, рано или поздно вызывает переворот бита в ячейках флеш-памяти, и каждый раз, когда какая-нибудь страна теряла спутник связи на геостационаре, Уэбб мне про этот переворот напоминал. Поэтому критические данные он дублировал вручную в блокнот из листов тайвека — синтетический полимер не рвался, не горел и не выделял бумажной пыли. На Земле тайвековые конверты служат разведчикам и геологам; Уэбб приспособил их под собственный архив сомнений.

Писал он штатной ручкой Fisher AG7. Уэбб любил эту ручку за первобытную инженерную простоту: капсулю с азотом под давлением, тиксотропные чернила, шарик из карбида вольфрама. Никакого софта, никаких аккумуляторов. Голая физика, работающая от минус тридцати четырёх до плюс ста двадцати одного. Он один раз попытался мне объяснить устройство этой ручки в курилке на полигоне в Хантсвилле и говорил минут двадцать. Я тогда подумала: за человека, способного двадцать минут говорить о ручке, можно выходить только если он действительно знает, о чём.

Уэбб вёл записи с маниакальной структурой. Таймкоды, индексы бортовых систем, перекрёстные ссылки на предыдущие страницы. Я сидела в командирском кресле, лениво перекачивала пальцами тяжёлую монету — пятидолларовый челлендж-коин, который таскала с собой со времён службы на «Линкольне», — и смотрела, как Хэнк пишет. Это был мой ритуал заземления: пока металл скользил по костяшкам, паника отступала, уступая место холодной логике. Монета была подарком от штурмана нашей эскадрильи на третий год службы. Штурман умер много лет назад, и с тех пор я никогда её не теряла.

Автоматика на главном пульте молчала. Скорость утечки метана стабилизировалась, превратившись в пологую кривую, и смотреть на неё каждую секунду не имело смысла. Физика газов — штука упрямая, её не переспоришь, гипнотизируя монитор.

Уэбб с тихим щелчком спрятал стержень ручки и развернул блокнот ко мне. На матовой странице синел график, выведенный точными, почти чертёжными линиями. Аккуратными — насколько вообще можно писать во внутрикорабельном комбинезоне в лунной гравитации.

— Полюбуйся, командир. Это уже было.

Я перевела взгляд на страницу. Под параболой падения давления стояла чёткая пометка: «12.04.2027. Макгрегор, стенд 2А, прогон 17».

— Твой художественный дебют? — Я остановила монету, прижав её ладонью к колену.

— Мой.

Хэнк помолчал. Я заметила, что у него снова дёрнулось правое веко — был у Хэнка и этот тик, не только утренний поручень, и до сегодняшнего дня он прятал оба хорошо.

— Я торчал на техасском полигоне во время предполётной сертификации этих баков. Семнадцатый прогон на экстремальное термическое сжатие выдал точно такую же траекторию потери давления. Один в один. Композитный клапан повело по линии шва.

— Что сделала комиссия?

— Назвала это «аномалией цифровой шины данных из-за наводки в кабельной сети». Заменяли копеечный контроллер, провели три стандартных теста в тёплом ангаре и закрыли тему. Я тогда написал официальный рапорт на шестнадцать страниц, доказывал, что клапан надо перепроектировать и отливать из другого сплава. Знаешь, что мне ответили?

— Знаю. «График миссии не предусматривает задержку на перепроектирование узла».

— Слово в слово.

Я посмотрела на Хэнка. У него была одна особенность, которую я заметила ещё на «Союзе» несколько лет назад: когда Уэбб говорил о бюрократической глупости, он не злился. Он становился тихим. По-настоящему злые люди в его профессии не выживают.

Хэнк ткнул металлическим концом ручки в правый нижний угол страницы. Там, под аккуратной рамкой, стояли три размашистые буквы.

Я молчала. Я знала эти инициалы. Уэбб мне их называл — один раз, на Земле, после двух пива, на крыльце дома моей матери в Сан-Антонио прошлой осенью. Я тогда сказала: «Хэнк, ты не первый, кто получил отказ. И не последний». Он ответил: «Я не последний только потому, что я ещё жив». Тогда мы оба засмеялись. Сейчас я думала, что зря смеялась.

— И что мы делаем с этим, Хэнк?

— Я хотел спросить у тебя.

Я перекатила монету ещё раз. Латунь звякнула о замок скафандра.

— В Хьюстон ничего. Они нам сейчас баки не починят, а вой в эфире нам не нужен. У нас сорок два часа до того, как топливо в магистралях станет твёрдым, и эти сорок два часа мы должны думать, как перекинуть тепло из кабины в баки. О твоём блокноте подумаем потом.

— А если «потом» не будет?

— Тогда блокнот останется здесь. Кто-нибудь его найдёт.

Хэнк посмотрел на меня. Я выдержала его взгляд. Он понял — не из жалости к нему, и не потому, что я не верила в шансы. Просто я двадцать лет летала на палубных истребителях и точно знала, что разоблачения откладывают на выживших.

— Принял, командир.

Уэбб бережно закрыл блокнот, вставил ручку в фиксатор и спрятал всё в набедренный карман комбинезона, застегнув молнию до упора. Жест был совсем не сентиментальный, как у человека, прячущего семейную фотографию. Скорее как у человека, кладущего обратно бомбу со взведённым взрывателем — до лучших времён.

За бортом Луна оставалась всё такой же мёртвой. Ей было плевать на рапорты Уэбба, на сэкономленные полгода и на сорок два часа в наших баках. Она никуда не торопилась.

Я отметила про себя, что сейчас в первый раз за миссию подумала так — «никуда не торопится». И поняла, что это плохая мысль для командира. Я её отогнала. Командиру нельзя думать про Луну, командиру надо думать про теплообмен. Я отпустила монету в карман и встала из кресла.

— Хэнк. Подъём. Идём смотреть, что можно отключить из жилого контура, чтобы перевести тепло в магистрали.

— Иду, командир.

Уэбб поднялся медленнее, чем обычно. Я заметила. На Земле — отметила бы себе и не сказала. Здесь — сказала:

— Береги ноги. Идти ещё долго.

Он посмотрел на меня с лёгким удивлением. Командир, который вдруг говорит «береги ноги», — это не совсем командир. Это уже немного другой человек. Хэнк сделал короткий кивок, такой, каким мы оба кивали друг другу на брифингах в Джонсоне, когда соглашались с очевидным.

Я пошла к панели жизнеобеспечения. Уэбб за мной. За тонкой стальной обшивкой щёлкнул очередной болт — справа, в районе третьего шпангоута. Я даже не вздрогнула. Привычка приходит быстрее, чем нас уверяют психологи.

* * *

В зале совещаний тридцатого здания ЦУПа в шесть утра пахло ничем. Кондиционеры за ночь выгнали из воздуха всё, что напоминало о людях — кофе, бумагу, спортивные сумки сменщиков, — и оставили только сухой запах нагретого пластика терминалов. Майкл Уильямс сидел перед двухканальной консолью видеосвязи. Слева от него, опершись локтями о матовый стол, молчал Билл Маллиган.

Маллигану было шестьдесят два, и он сидел в директорском кресле Джонсона достаточно долго, чтобы усвоить две вещи: на закрытых совещаниях не пьют кофе — слишком долго возиться с крышкой и слишком слышно, как глотаешь, — и не садятся первым, если в кадре старшие. Сегодня старшей была Аткинс. Маллиган стоял до самого её включения и сел секунда в секунду.

На левом мониторе появилась Дайана Аткинс из своего кабинета в Вашингтоне. Не домашний вид — серый деловой костюм, волосы убраны. У Аткинс была привычка одеваться в строгое даже на пятиутренних кризисных линиях: любая запись этой панели могла быть затребована сенатским комитетом по этике, а государственная служба не прощала расхлябанности даже в полпятого утра. На правом экране зажёгся Том Касильяс из операторского бункера Бока-Чика. За его спиной — подсвеченная прожекторами монтажная вышка и чёрное побережье залива.

— Майкл, Том, — сказала Аткинс. Голос шёл через защищённый терминал без искажений.

Связь шла по криптографически закрытому контуру. Это была не паранойя, это была экономика: экстренный перенос пуска многомиллиардной программы вызвал бы волатильность акций оборонных подрядчиков на Уолл-стрит, а до официального уведомления семей любая утечка параметров аварии в сеть приравнивалась к федеральному должностному преступлению. Аткинс это помнила лучше, чем кто-либо из присутствующих — её предшественника сняли с должности при предыдущей администрации именно за такую утечку, и сняли тихо, без объяснений в прессе, потому что объяснять в прессе было хуже, чем снимать.

— «Артемис V». Мы выводим его из резерва, — Аткинс посмотрела прямо в камеру. — Сдвигаем график. Пуск через шесть дней.

Касильяс медленно потёр виски. Достал из кармана титановую гайку M12 — он крутил её в пальцах с тех пор, как много лет назад сорвал на испытательном стенде в Макгрегоре первый прогон Raptor, а механик из бригады молча сунул ему эту гайку и сказал: «На память. Не сорвёшь больше». Касильяс не сорвал больше ни одного прогона, и гайка с тех пор лежала у него в нагрудном кармане. Он крутил её, когда нужно было держать пальцы занятыми.

— Дайана. — Касильяс говорил спокойно. Том всегда говорил спокойно, когда понимал, что собеседник ждёт от него крика. — В апрельском графике у нас несколько полных циклов криогенной стабилизации баков на орбите. За шесть дней мы проведём максимум треть. Мы отправим к Луне сто двадцать метров стали с жидким метаном, толком не зная, как поведут себя дренажные клапаны при резком термическом шоке.

— Цифры по риску?

— По сухим моделям — два процента отказа автоматики в полёте. По моему ощущению — пять. Но дело не в этом. У Марш и Уэбба воздуха на десять суток. С рационированием — двенадцать-тринадцать. Мы должны посадить корабль на четырнадцатые. С одного захода. Запаса на манёвры у нас не будет. Двигатель выключится в момент касания опор о реголит. Прوماхнётся радар по рельефу на полсекунды — второй попытки не будет.

— Дальше.

— Дальше Рейес и Краузе сажают эту башню на изрытое валунами плато без зависания. Никакого поиска ровной площадки, никакого радарного сканирования сверху. Один импульс торможения, один удар тарелок об грунт. Если автоматика снесёт их на двести метров в сторону от расчётной точки — на валуны, на уклон кратера, на разлом — корректировать курс уже нечем. Топливо к этому моменту равно нулю.

— Вероятность того, что они не сядут рядом? — спросила Аткинс.

— Один из двадцати.

— А если мы не поднимем корабль?

— Тогда ноль. Без спасателя Сара и Хэнк не жильцы.

Аткинс закрыла глаза. Уильямс видел через монитор, как у неё чуть дрогнуло левое веко — он замечал это движение раза четыре за десять лет совместной работы, всегда в моменты, когда она просчитывала политические последствия чужой смерти. Аткинс не была циником. Она была государственным служащим, и эти два состояния давно перестали быть в её жизни различимы.

Маллиган рядом с Уильямсом не двигался. Билл смотрел не в монитор, а в одну точку на матовой поверхности стола, где у него лежал указательный палец правой руки. Уильямс знал этот жест — Маллиган так держал палец, когда мысленно подписывал решения, которые потом нельзя будет отозвать.

— Билл? — Аткинс открыла глаза и повернулась к директору Центра.

Маллиган положил тяжёлую ладонь на стол. Лицо у него стало таким, каким было на похоронах, когда Колумбию опять вспоминали, — спокойным и старым. Маллиган за свою жизнь повидал достаточно молчания после похоронных слов, чтобы знать, какой долгой эта тишина бывает на самом деле.

— Я «за», Дайана. Через четырнадцать суток у меня на южном полюсе будут два трупа в прямом эфире. Я этого видеть не хочу.

— Майкл?

— Go.

— Том?

— Go. Но мне нужна твоя личная цифровая подпись под аварийной директивой. По закрытому каналу правительственной связи. Если эта бочка с метаном разлетится на куски из-за того, что мы срезали углы при тестировании, я не позволю сделать из инженеров SpaceX козлов отпущения перед комиссией Конгресса. Я двадцать лет назад уже видел, как это делается.

— Получишь документ. — Аткинс не моргнула, но Уильямс заметил, что она при слове «двадцать лет назад» на секунду посмотрела в сторону — туда, где у неё стояла нераспакованная коробка с архивом начала двухтысячных. — Через сорок минут — Национальный космический совет, после — Овальный кабинет. Параллельно будим ЕКА и JAXA: их люди на «Орионе», мы обязаны уведомить. Майкл, готовь текст для прессы. Не раньше десяти тридцати.

Монитор Аткинс погас.

Касильяс ещё мгновение смотрел на Уильямса из своего техасского бункера. Том не очень любил Майкла. У них была старая история — несовпавшие решения по сертификации, после которых они полгода друг другу не звонили лично. Но сейчас они смотрели друг на друга через пятьсот километров так, как смотрят люди, которым в ближайшие шесть суток придётся вместе нести то, что иначе не унесёшь.

— Майкл.

— Да, Том.

— Я с тебя за эту баллистику сниму пять лет жизни. Не сразу.

— Снимешь.

Касильяс отключился. В зале остались Уильямс и Маллиган, и кондиционер, который продолжал нагнетать ничего.

Маллиган не сразу встал. Он сначала медленно сложил пальцы — сначала правой руки, потом левой — и только после этого поднялся.

— Майкл.

— Да, Билл.

— Поезжай к Дэвиду.

— Зачем? Я ему по защищённой звонил в полшестого. Он знает.

— Знает по телефону. Это не то. Через четыре с половиной часа Аткинс выйдет к прессе. Калёб в это утро на улицу не выйдет, в школу не пойдёт, и если Дэвид с ним не поговорит до пресс-конференции — пацан узнает с экрана. Я хочу, чтобы у Дэвида был человек напротив, когда он это сообщит.

Уильямс посмотрел на Маллигана. За тридцать лет в директорском кабинете Билл провёл слишком много утр, в которые подросткам сообщали плохое. Не своим — чужим. Это и был его способ знать про такие утра больше, чем кто-либо в этом здании.

— Понял.

— И, Майкл.

— Да.

— Ничего ему лишнего не говори. Ты знаешь правила. Аткинс выйдет в десять тридцать. До этого момента — только то, что у нас есть инструкция. Если Дэвид начнёт тянуть из тебя — упрись и не разговаривай.

— Не буду тянуть его. И сам говорить не буду.

— Хорошо.

Маллиган пошёл к двери. У выхода обернулся.

— Майкл. Когда вернёшься — зайти ко мне. У меня в шкафу есть бутылка с двадцатого года. Не для сегодня. На потом, когда всё это закончится. По одной.

Уильямс кивнул. Маллиган вышел. В зале осталась только консоль с потухшими экранами и ровный гул кондиционера. Уильямс собрал распечатки со стола, сложил папку. Молния папки заклинила на старой выщербленной собачке — папке было лет пятнадцать, он покупал её в первый день работы на этой должности. Уильямс дёрнул резче. Зубец сорвался. Папка осталась полуоткрытой. Уильямс взял её под мышку и пошёл на парковку.

* * *

Терминал закрытой связи погас, оставив на матовом экране янтарный логотип ожидания. В операторском бункере Бока-Чика наступила тишина, какая бывает в помещениях без окон, когда из них только что вышел разговор, имеющий цену. Том Касильяс разжал пальцы. Титановая гайка М12, его карманный спутник со стенда в Макгрегоре, со стальным стуком упала на стол, покатилась и замерла рядом с остывшей кружкой. Доктора запретили ему настоящий кофе из-за гипертонии — Касильяс послушался, потому что в его возрасте проще согласиться, чем спорить. Цикорий он купил один раз, на пробу, шесть месяцев назад. Цикорий был гадостью. Но перейти обратно означало признать, что докторов он слушался зря, а Том был не из тех, кто менял решения после полугода исполнения.

На краю пульта лежали папки с рентгеновскими снимками сварных швов метанового бака. Касильяс знал эти кривые линии наизусть — медитировал на них последние три недели каждую смену. Апрельский пуск «Артемис V» должен был стать вершиной его карьеры, образцово подготовленным триумфом производственного отдела. Теперь расписанный апрель летел к чертям.

Касильяс поднялся, чувствуя, как от долгого сидения затекли плечи. Накинул чёрную флисовую куртку с неброской эмблемой SpaceX на груди и толкнул тяжёлую дверь бункера.

Снаружи его встретила техасская ночь — липкая, влажная, пахнущая гнилой болотной травой с залива и разогретым гудроном. Половина четвёртого утра. С океана дул плотный ветер, несущий солёную взвесь, которая въедалась в металл и заставляла монтажников Стар-

бейза красить каждый наружный болт в три слоя. Со стороны заправочной фермы доносился низкий, почти подземный гул азотных субкулеров. Касильяс этот звук узнавал, как старый дальнобойщик узнаёт работу своего дизеля: по интонации насосов он мог без приборов сказать, всё ли в порядке на ферме. Сегодня всё было в порядке. На ферме.

Том зашагал по раздавленной известняковой крошке к Мега-Бею. На полпути его обо- гнал электрокар охраны — двое в чёрных рубашках, с термосами, ехали менять смену на въезд- ном КПП. Один из охранников коротко поднял руку в знак приветствия. Касильяс кивнул. Эти двое не знали ещё ничего — и до восьми утра не узнают; в Бока-Чика информация рас- пространялась узкими каналами, и охрана получала сводку в восемь, вместе с инженерами третьей смены.

Сборочный цех встретил его ослепительным белым светом высотных прожекторов. Воз- дух пах чистым аргонотом от сварочных постов, растворителем и озоном от моторов мостовых кранов, замерших под потолком на высоте тридцатипятиэтажного дома. Где-то наверху, на отметке двадцать пятого яруса, кто-то невидимый протирал тряпкой балку — мокрый ритмичный звук в этой акустике разносился до самого пола.

Посреди этого стального стакана стоял корабль. Сто двадцать метров полированной стали марки 304L. Внизу — семидесятиметровый ускоритель Super Heavy с тридцатью тремя двига- телями Raptor, над ним — пятидесятиметровый посадочный модуль HLS. Ракета ещё не была заправлена, баки её стояли пустые, и от этого вся конструкция казалась Касильясу обманчиво хрупкой, как огромная жестяная банка, которую можно смять одним неверным движением дренажного клапана.

Том подошёл к основанию левого обтекателя посадочной ступени. Лазерным сканерам и цифровым дефектоскопам он не доверял — двадцать лет работы с железом приучили его, что машина видит цифру, а человек видит шов. Касильяс провёл пальцами по продольному стыку. Металл был холодным и гладким. Над монтажным шпангоутом белела корявая надпись чёрным маркером, сделанная им самим в сентябре. Тогда зазор ушёл на 0,42 миллиметра, автоматика выдала норму, но Касильяс заставил бригаду пересобрать узел вручную. Маркер оставил сухую отметку: «0.42 мм. Исправлено лично. Т.К.»

Том вытащил из кармана телефон. В Старбейзе работала своя зашифрованная сеть — обычная связь в радиусе пятидесяти километров от стартовых столов глушилась.

Голос Грегорио Сото отозвался на третьем гудке. Сото был южноамериканцем — родом из Маракайбо, в Штаты переехал молодым, и венесуэльский выговор у него за двадцать лет почти выветрился, но оставался один маркер: «р» он раскатывал ровно так, как раскатывал отец на нефтеперерабатывающем заводе, где Грегорио мальчишкой подносил ему обед. Сото был из той породы производителей, которые спали с включённым планшетом под подуш- кой и мерили время не часами, а метрами сварочного шва, уложенного за смену.

— Том. Слушаю.

Из трубки донёсся короткий скрип старых половиц — Сото уже встал и шёл из спальни на кухню. В Бока-Чика Грегорио жил в подержанной пятиметровой трейлерной развалюхе на въезде в Браунсвилл, в десяти минутах езды от площадки. Он купил её несколько лет назад, когда жена в Хьюстоне попросила развод. Развод оформили без скандала, дочь осталась с мате- рью, а Сото за полгода превратил трейлер в нормальное жильё и с тех пор жил в нём, не воз- вращаясь в Хьюстон без необходимости.

— Поднимай всех начальников участков и логистов, Грегорио. Завтрак за счёт компа- нии, в семь ноль-ноль жду в конференц-зале первого ангара. Мы переписываем циклограмму. Запускаем «Артеми́с V» через шесть дней.

На том конце повисла тяжёлая тишина. Касильяс слышал, как Сото медленно, со свистом выдохнул сквозь зубы. Инженерный мозг Грегорио без всяких компьютеров уже считал логи-

стическую катастрофу: отмену отпусков для бригад, экстренный вызов заправщиков, разрыв контрактов с транспортниками и, главное, обход стандартных протоколов приёмки FAA.

— Шесть дней, Том? — тихо переспросил Сото. — Мы не успеем провести ультразвук на баках второй ступени танкера-заправщика. Подписывать отказ от дефектоскопии. Либо так, либо мы не зальём им орбитальный резервуар.

— У нас на Луне двое, Грегорио. Давление в их модуле падает. Воздуха — на десять суток. Аткинс сейчас у президента, юридический отказ от претензий со стороны NASA я выбил. Поднимай людей.

— Принял.

В голосе Сото не было ни расспросов, ни заламывания рук. Он не любил жесты. Грегорио однажды сказал Тому в курилке: «Кто заламывает руки, тот не доделывает работу». С тех пор они шесть лет работали вместе, и Касильяс ни разу не видел, чтобы Сото жестикулировал больше необходимого.

— Звоню диспетчерам заправочного. Пусть начинают продувку магистралей азотом. Мы будем жить в цеху эти шесть дней.

— Будем.

Связь оборвалась. Том медленно опустил руку с телефоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.